

Мы сами для кого-то — тяжкий крест

Может ли быть конфликт между супругами или детей с родителями в православной семье? Первое, что приходит в голову,— все недоразумения должны гаснуть, едва зародившись, ведь в христианской семье любовь — нелицемерная, жертвенная, терпеливая. Но наши семьи, скорее, пока еще только стремятся стать по-настоящему православными.

Говорят, что православная семья должна жить так, чтобы в любую минуту ей было бы не стыдно пригласить к себе Христа. Это кажется недостижимым, и в то же время не должно быть иначе. Но мы, воцерковляясь, продолжаем ссориться, раздражаться, настаивать на своем...

Нет, есть, конечно, семьи, где уже не в первом поколении живут церковной жизнью,— там не способны даже повысить голос при разговоре друг с другом, там не принято выражать недовольство бытовыми неудобствами. Но о таких семьях чаще приходится лишь читать в книгах: читать... и тихонько завидовать. А у нас, увы, все совсем по-другому. До рукоприкладства и грубых выражений, конечно, не доходит.

И из дому мы не уходим (разве наденем пальто и постоим немного в коридоре под вешалкой под увещевания детей). «Не уходи, мамочка, мы больше так не будем». Конечно, это комично,— но на самом-то деле - это очень плохо. Плохо, что нас не слушаются дети, что сами себе позволяем импульсивные поступки. Где же наше смирение? Самоё обидное, - что образ смиренного человека уже принят нами, принят всей душой — но смиряться все никак не получается, особенно в мелочах.

Иногда я восхищаюсь, как по-христиански вели себя в тех или иных внутрисемейных конфликтных ситуациях люди старшего поколения. И вдруг понимаю — а ведь большин-

ство из них не считали себя православными, жили, как все советские люди, даже крестов не носили. Видимо, дело в том, что их поколение еще не утратило духовную и душевную связь с воспитанными в православной среде предками с их генетическим стремлением избегать конфликтов, уступать ближнему — да и дальнему тоже. И вспоминается мне бабушка моего мужа, мариупольская гречанка, родившаяся в самом начале прошлого века. Она выросла в верующей благочестивой семье, рано осиротела, но помнит, что ее мама сама разносила «субботнее» молоко (у них была своя ферма, мельница, большое хозяйство) по бедным домам.

Жизнь прошла по бабушке, что называется, «катком»: можно роман писать. Много страшного, чего мы не вынесли бы никогда. Креста я на ней не видела, о Боге она не говорила. Куличи на Пасху, пение пасхального тропаря — это было, но скорее по укоренившейся, очень дорогой привычке, связывающей с безвозвратно ушедшим прошлым. Но по своему образу жизни, поступкам она была настоящей христианкой. Первое, что поразило меня при знакомстве, — ее готовность полюбить меня как родную: сразу, без оговорок и пристального критического изучения — просто потому, что меня выбрал ее горячо любимый внук.

Не было человека, в котором Любовь Ивановна не могла бы найти хоть что-то хорошее, а если и говорила о недостатках, то все равно чувствовалось, что она готова терпеть его немощи, заботиться о нем. Нечего и говорить, каким авторитетом она пользовалась; как ее любили и считали родной даже чужие люди. Я всегда поражалась ее изобретательности, когда возникали конфликтные ситуации; можно было даже говорить о некой хитрости, но о хитрости особой, которая скорее — мудрость.

Изобретательность эта порождалась горячим желанием сохранить мир в доме, ее любовной и деятельной заботой. О чем-то умолчать, переключить внимание, задобрить вкусненьким, просто промолчать она умела, как никто. При этом она не была беспринципным человеком: обо всем у

нее было свое собственное мнение, и она никогда не беспокоилась, совпадает ли оно с мнением окружающих.

Я часто задумываюсь о том, что наша главная сегодняшняя проблема — в оторванности от традиции православного уклада жизни, образа мыслей. Мы пришли в храм, к Богу, часто совершенно неразвитыми душевно (а чаще, именно из-за этой неразвитости, потерпев крах в отношениях с людьми) и восприняли лишь внешнюю сторону церковной жизни. Мы носим платочки и длинные юбки, крестимся на храмы, водим детей в воскресные школы — и при этом не всегда умеем поздороваться по-человечески.

То же и в наших семьях: вешаем на стены иконы, говорим и слушаем только «про духовное» — но оно, это «духовное», так и остается лишь на наших языках, не наполняет душу, не меняет нас в чем-то главном. Где-то я прочитала, что человек вначале обязан наполниться душевно — и лишь потом, если Богу будет угодно, Он преобразит наше душевное в духовное. Если Богу будет угодно! Есть о чем задуматься. Может, мне или вам суждено остаться душевными людьми до самой смерти — а мы вообразили себя духовными. Судим, навешиваем ярлыки, в том числе и на своих ближних...

В первую неделю Великого поста я пришла домой после богослужения с чтением «Великого покаянного канона» святителя Андрея Критского. Мы сели ужинать, ребенок попросил чаю, и я вдруг завелась на тему: «Почему это почти 15-летний мальчик ничего не хочет сделать сам — только «подай» да «принеси», «налей чаю», «отрежь хлеба», «подай нож»...Сколько же можно?» Упреки были справедливыми, все это понимали. Но, пока я высказывалась, мой муж молча встал и налил сыну, «почти 15-летнему мальчику», чай. Он, муж то есть, после работы не пошел на покаянную службу, а банально сидел за компьютером — изучал последние новости; да и в храм не так часто ходит, и причащается всего 2–3 раза в год. В общем, не такой «право-

славный», как я. Но, честно говоря, мне было стыдно и перед мужем, и перед детьми.

И вдруг вспомнилось, как один невидимый собеседник на православном сайте, неправильно поняв мою реплику о том, что наши кресты легкие (я-то имела в виду: даны нам по нашей немощи), эмоционально ответил мне, что, если я считаю свой крест легким, значит, я сама — чей-то крест.

Надо же, я — чей-то крест! Никогда о себе в таком ключе не думала. А ведь, действительно, крест — и для мужа, и для детей. Но мы ведь чаще думаем, что это они — наш крест, разве не так? Может, именно в осознании этого и лежит ключ к преодолению конфликтов в семье?

А в целом, наверное, все не так уж безнадежно. Потому что, воцерковляясь, мы вряд ли будем «не разговаривать друг с другом» по три дня; не ляжем спать, не примирившись; первыми попросим прощения.

Мы прибегаем к молитве, учимся нерешаемые проблемы воспринимать как волю Господа. Смиряемся перед тем, что дети не такие, как нам хотелось бы. Учимся доверять Богу больше, чем себе. И даже, если случаются шумные выяснения отношений, они не ожесточенные и больше похожи на старое доброе итальянское кино, чем на постперестроечный боевик. И это хороший признак, особенно, если сравнить с тем, что было раньше.

*Автор: Елена Гаазе
Газета "Православная вера",
№ 10 (438), май, 2011 г.*

